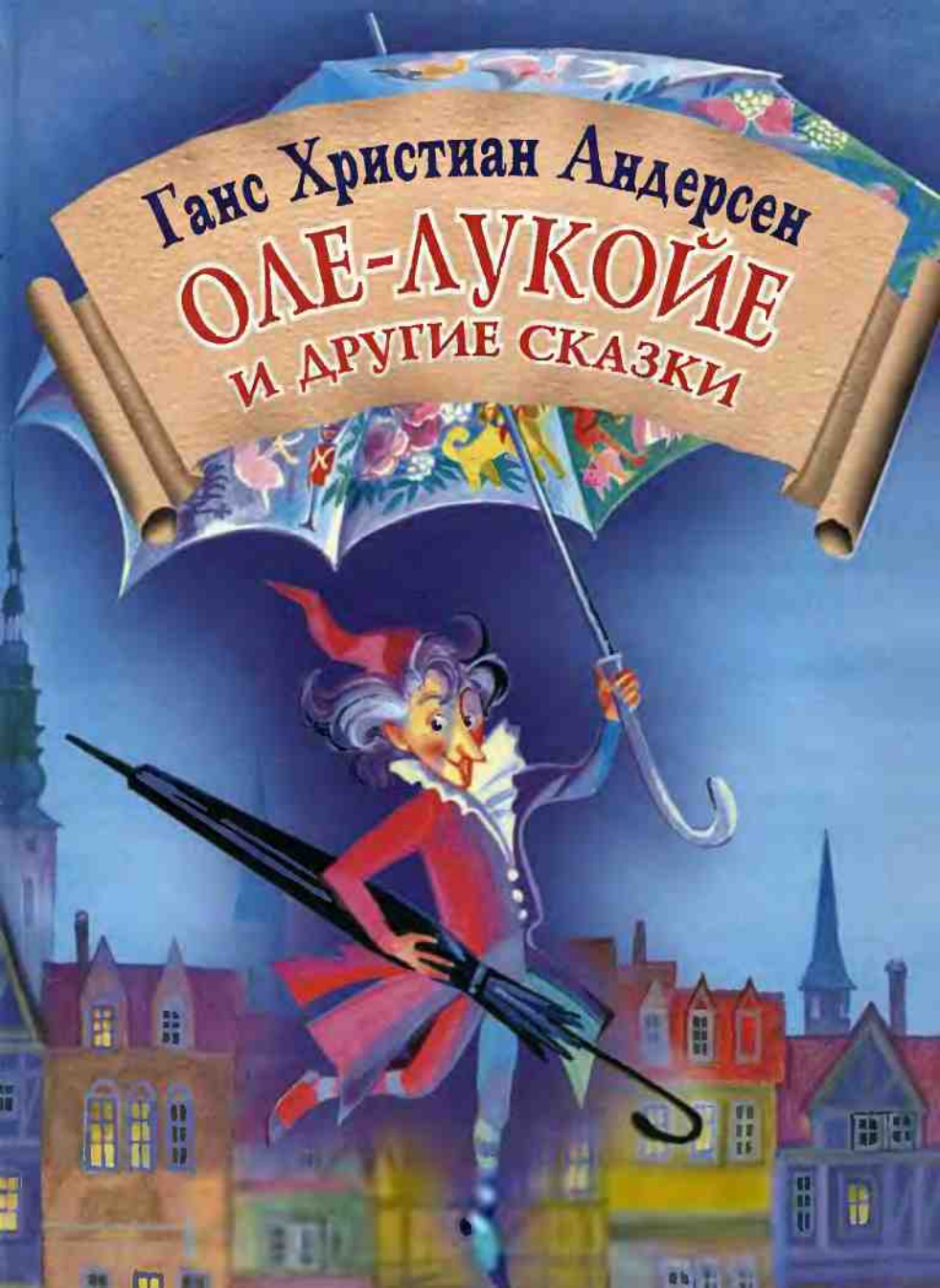

Ганс Христиан Андерсен
ОЛЕ-ЛУКОЙЕ
И ДРУГИЕ СКАЗКИ

УДК 839.5/8
ББК 84(4)
А 65

ISBN 5-64-00288-9

© Н. Г. Гольц. Иллюстрации, 1999 г.
© ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс».
Серийное оформление, 1999 г.

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

ОЛЕ-ЛУКОЙЕ
И ДРУГИЕ СКАЗКИ

Художник Ника Гольц

ЭКСМО-ПРЕСС
1999

ОЛЕ-ЛУКОЙЕ

Никто на свете не знает столько сказок, сколько знает их Оле-Лукойе. Вот мастер-то рассказывать!

Вечером, когда дети преспокойно сидят за столом или на своих скамеечках, является Оле-Лукойе. В одних чулках, он тихо-тихо подымается по лестнице; потом осторожно приотворит дверь, неслышно шагнёт в комнату и слегка прыснет детям в глаза сладким молоком. В руках у него маленькая спринцовка, и молоко брызжет из неё тоненькой-тоненькой струйкой. Тогда веки у детей начинают слипаться, и они уж не могут разглядеть Оле, а он подкрадывается к ним сзади и начинает легонько дуть им в затылки. Подует — и головки у них сейчас отяжелеют. Это совсем не больно — у Оле-Лукойе нет ведь злого умысла; он хочет только, чтобы дети утомонились, а для этого их непременно надо уложить в постель! Ну вот он и уложит их, а потом уж начинает рассказывать сказки.

Когда дети заснут, Оле-Лукойе присаживается к ним на постель. Одет он чудесно: на нём шёлковый кафтан, только нельзя сказать, какого цвета, — он отликает то голубым, то зелёным, то красным, смотря по тому, в какую сторону повернётся Оле. Под мышками у него по зонтику: один с картинками, который он раскрывает над хорошими детьми, и тогда им всю ночь снятся чудеснейшие сказки, а другой совсем простой, гладкий, который он развёртывает над плохими детьми; ну, они и спят всю ночь как чурбаны, и поутру оказывается, что они ровно ничего не видали во сне!

Послушаем же о том, как Оле-Лукойе навещал каждый вечер одного маленького мальчика, Яльмара, и рассказывал ему сказки! Это будет целых семь сказок — в неделе ведь семь дней.

ПОНЕДЕЛЬНИК

— Ну вот, — сказал Оле-Лукойе, уложив Яльмара в постель, — теперь украсим комнату!

И в один миг все комнатные цветы выросли, превратились в большие деревья, которые протянули свои длинные ветви вдоль стен к самому потолку; вся комната превратилась в чудеснейшую беседку. Ветви деревьев были усеяны цветами; каждый цветок по красоте и запаху был лучше розы, а вкусом (если бы только вы захотели его попробовать) слаще варенья; плоды же блестели, как золотые. Ещё на деревьях были пышки, которые чуть не лопались от изюмной начинки. Просто чудо что такое! Вдруг поднялись ужасные стоны в ящике стола, где лежали учебные принадлежности Яльмара.

— Что там такое? — спросил Оле-Лукойе, пошёл и выдвинул ящик.

Оказалось, что это рвала и метала аспидная доска: в решение написанной на ней задачи вкралась ошибка, и все вычисления готовы были распасться; грифель скакал и прыгал на своей верёвочке, точно собачка; он очень желал помочь делу, да не мог. Громко стонала и тетрадь Яльмара; просто ужас брал, слушая её! На каждой её странице в начале каждой строки стояли чудесные большие и маленькие буквы — это была пропись; возле же шли другие, воображавшие, что держатся так же твёрдо. Их писал сам Яльмар, и они, казалось, спотыкались об линейки, на которых должны были б стоять.

— Вот как надо держаться! — говорила пропись. — Вот так, с лёгким наклоном вправо!

— Ах, мы бы и рады, — отвечали буквы Яльмара, — да не можем! Мы такие плохонькие!

— Так вас надо немного подтянуть! — сказал Оле-Лукойе.

— Ай, нет, нет! — закричали они и выпрямились так, что любо было глядеть.

— Ну, теперь нам не до сказок! — сказал Оле-Лукойе. — Будем-ка упражняться! Раз-два! Раз-два!

И он довёл буквы Яльмара до того, что они стояли ровно и бодро, как любая пропись. Но когда Оле-Лукойе ушёл и Яльмар утром проснулся, они выглядели такими же жалкими, как прежде.

В ТОРНИК

Как только Яльмар улёгся, Оле-Лукойе дотронулся своєю волшебною спринцовкой до мебели, и все вещи сейчас же начали болтать между собою; все, кроме плевательницы; эта молчала и сердилась про себя на их суетность: говорят только о себе да о себе и даже не подумают о той, что так скромно стоит в углу и позволяет в себя плевать!

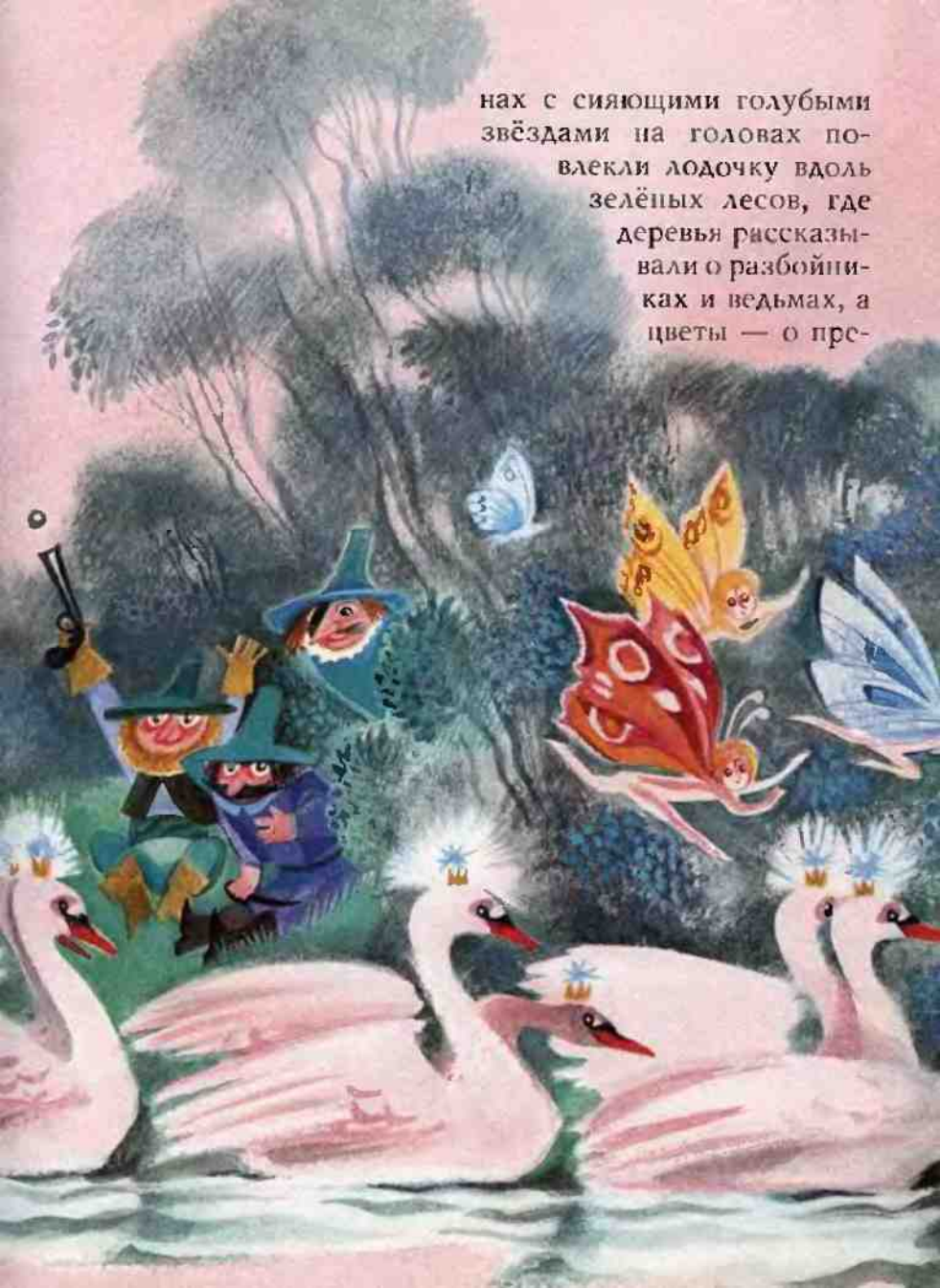
Над комодом висела большая картина в золочёной раме; на ней была изображена красивая местность: высокие старые деревья, трава, цветы и широкая река, убегавшая мимо чудных дворцов, за лес, в далёкое море.

Оле-Лукойе дотронулся волшебною спринцовкой до картины, и нарисованные на ней птицы запели, ветви деревьев зашевелились, а облака понеслись по небу; видно было даже, как скользила по картине их тень.

Затем Оле приподнял Яльмара к раме, и мальчик стал ногами прямо в высокую траву. Солнышко светило на него сквозь ветви деревьев, он побежал к воде и уселся в лодочку, которая колыбалась у берега. Лодочка была выкрашена красною и белую краской, паруса блестели, как серебряные, и шесть лебедей в золотых коро-

нах с сияющими голубыми звёздами на головах повлекли лодочку вдоль зелёных лесов, где деревья рассказывали о разбойниках и ведьмах, а цветы — о прес-

лестных маленьких эльфах и о том, что рассказывали им бабочки.

Чудеснейшие рыбы с серебристой и золотистой чешуёй плыли за лодкой, ныряли и плескали в воде хвостами; красные, голубые, большие и маленькие птицы летели за Яльмаром двумя длинными вереницами; комары танцевали, а

майские жуки гудели «Бум! Бум!»; всем хотелось прово-
жать Яльмара, и у каждого была для него наготове сказка.

Да, вот это было плавание!

Леса то густели и темнели, то становились похожими на
чудеснейшие сады, освещённые солнцем и усеянные цвета-
ми. По берегам рски возвышались большие хрустальные и

мраморные дворцы; на балконах их стояли принцессы, и всё это были знакомые Яльмару девочки, с которыми он часто играл.

Они протягивали ему руки, и каждая держала в правой руке славного обсахаренного пряничного поросёнка — такого редко купишь у торговки. Яльмар, проплывая мимо, хватался за один конец пряника, принцесса крепко держалась за другой, и пряник разламывался пополам; каждый получал свою долю: Яльмар побольше, принцесса поменьше. У всех дворцов стояли на часах маленькие принцы; они отдавали Яльмару честь золотыми саблями и осыпали его изюмом и оловянными солдатиками — вот что значит настоящие-то принцы!

Яльмар плыл через леса, через какие-то огромные залы и города... Проплыл он и через тот город, где жила его старая няня, которая нянчила его, когда он был ещё малюшкой, и очень любила своего питомца. И вот он увидал её; она кланялась, посылала ему рукою воздушные поцелуи и пела хорошенькую песенку, которую сама сложила и прислала Яльмару:

Мой Яльмар, тебя вспоминаю
Почти каждый день, каждый час!
Сказать не могу, как желаю
Тебя увидеть вновь хоть раз!
Тебя ведь я в люльке качала,
Учила ходить, говорить,
И в щёчки и в лоб целовала,
Так как мне тебя не любить!
Люблю тебя, ангел ты мой дорогой!
Да будет вовеки Господь Бог с тобой!

И птички подпевали ей, цветы приплясывали, а старые ивы кивали, как будто Оле-Лукойс и им рассказывал сказку.

С РЕДА

Ну и дождь лил! Яльмар слышал этот страшный шум даже во сне; когда же Оле-Лукойе открыл окно, оказалось, что вода стояла вровень с подоконником. Целое озеро! Зато к самому дому причалил великолепнейший корабль.

— Хочешь прокатиться, Яльмар? — спросил Оле. — Побываешь ночью в чужих землях, а к утру — опять дома!

И вот Яльмар, разодетый по-праздничному, очутился на корабле. Погода сейчас же прояснилась, и они поплыли по улицам, мимо церкви, — кругом было одно сплошное огромное озеро. Наконец они уплыли так далеко, что земля совсем скрылась из глаз. По поднебесью неслась стая аистов; они тоже собрались в чужие тёплые края и летели

длинною вереницей, один за другим. Они были в пути уже много-много дней, и один из них так устал, что крылья почти отказывались ему служить. Он летел позади всех, потом отстал и начал опускаться на своих распущенных крыльях всё ниже и ниже, вот

взмахнул ими ещё раз два, но... напрасно! Скоро он задел за мачту корабля, скользнул по снастям и — бах! — упал прямо на палубу.

Юнга подхватил его и посадил в птичник к курам, уткам и индейкам. Бедняга аист стоял и уныло озирался кругом.

— Ишь какой! — сказали куры.

А индейский петух надулся, как только мог, и спросил у аиста, кто он таков; утки же пятились, подталкивая друг друга крыльями, и кричали: «Дур-рак! Дур-рак!»

И аист рассказал им о жаркой Африке, о пирамидах и о страусах, которые посятятся по пустыне с быстротой диких лошадей, но утки ничего не поняли и опять стали подталкивать одна другую:

— Ну не дурак ли он?

— Конечно, дурак! —

сказал индейский петух и сердито забормотал. Аист замолчал и стал думать о своей Африке.

— Какие у вас чудесные тонкие ноги! — сказал индейский петух. — Почём аршин?

— Кряк! Кряк! Кряк! — закрякали смешливые утки, но аист как будто и не слышал.

— Могли бы и вы посмеяться с нами! — сказал аисту индейский петух. — Очень забавно было сказано! Да куда, это, верно, слишком низко для него! Вообще нельзя сказать, чтобы он отличался понятливостью! Что ж, будем забавлять себя сами!

И курицы кудахтали, утки крякали, и это их ужасно забавляло.

Но Яльмар подошёл к птичнику, открыл дверцу, поманил аиста, и тот выпрыгнул к нему на палубу — он уже успел отдохнуть. И вот аист как будто поклонился Яльмару в знак благодарности, взмахнул широкими крыльями и полетел в тёплые края. А курицы закудахтали, утки закрякали, индейский же петух так надулся, что гребешок у него весь налился кровью.

— Завтра из вас сварят суп! — сказал Яльмар и проснулся опять в своей маленькой кровати.

Славное путешествие сделали они ночью с Оле-Лукойе!

— Знаешь что? — сказал Оле-Лукойс. — Только не пугайся! Я сейчас покажу тебе мышку! — И правда, в руке у него была прехорошенькая мышка. — Она явилась пригласить тебя на свадьбу! Две мышки собираются сегодня ночью вступить в брак. Живут они под полом в кладовой твоей матери. Чудесное помещение, говорят!

— А как же я пролезу сквозь маленькую дырочку в полу? — спросил Яльмар.

— Уж положишься на меня! — сказал Оле-Лукойс. — Ты у меня сделаешься маленьким.

И он дотронулся до мальчика своею волшебною спринцовкой. Яльмар вдруг стал уменьшаться, уменьшаться и, наконец, сделался величиною всего с палец.

— Теперь можно будет одолжить мундир у оловянного солдатика. Я думаю, этот наряд будет вполне подходящим: мундир ведь так красит, ты же идёшь в гости!

— Ну хорошо! — согласился Яльмар, переоделся и стал похож на образцового оловянного солдатика.

— Не угодно ли вам сесть в напёрсток вашей матушки? — сказала Яльмару мышка. — Я буду иметь честь отвезти вас.

— Ах, неужели вы сами будете беспокоиться, фрёкен! — сказал Яльмар, и вот они поехали на мышиную свадьбу.

Проскользнув в дырочку, прогрызенную мышами в полу, они попали сначала в длинный узкий коридор, здесь как раз только и можно было проехать в напёрстке. Коридор был ярко освещён гнилушками.

— Вездь чудный запах? — спросила мышка-возница. — Весь коридор смазан салом! Что может быть лучше?

Наконец добрались и до самой залы, где праздновалась свадьба. Направо, перешёптываясь и пересмеиваясь между собой, стояли все мышки-дамы, а палево, покручивая лапками усы, — мышки-кавалеры, а посередине, на выеденной корке сыра, возвышались сами жених с невестой и страстно целовались на глазах у всех. Что ж, они ведь были обручены и готовились вступить в брак.

А гости всё прибывали да прибывали; мыши чуть не давили друг друга насмерть, и вот счастливую парочку оттеснили к самым дверям, так что никому больше нельзя было ни войти, ни выйти. Зала, как и коридор, вся была смазана салом; другого угощенья и не было; а на десерт гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена, то есть, конечно, всего-навсего первые буквы. Диво, да и только!

Все мыши объявили, что свадьба была великолепная и что время проведено очень приятно.

Яльмар поехал домой. Довелось ему побывать в знатном обществе, хоть и пришлось порядком съёжиться и облечься в мундир оловянного солдатика.

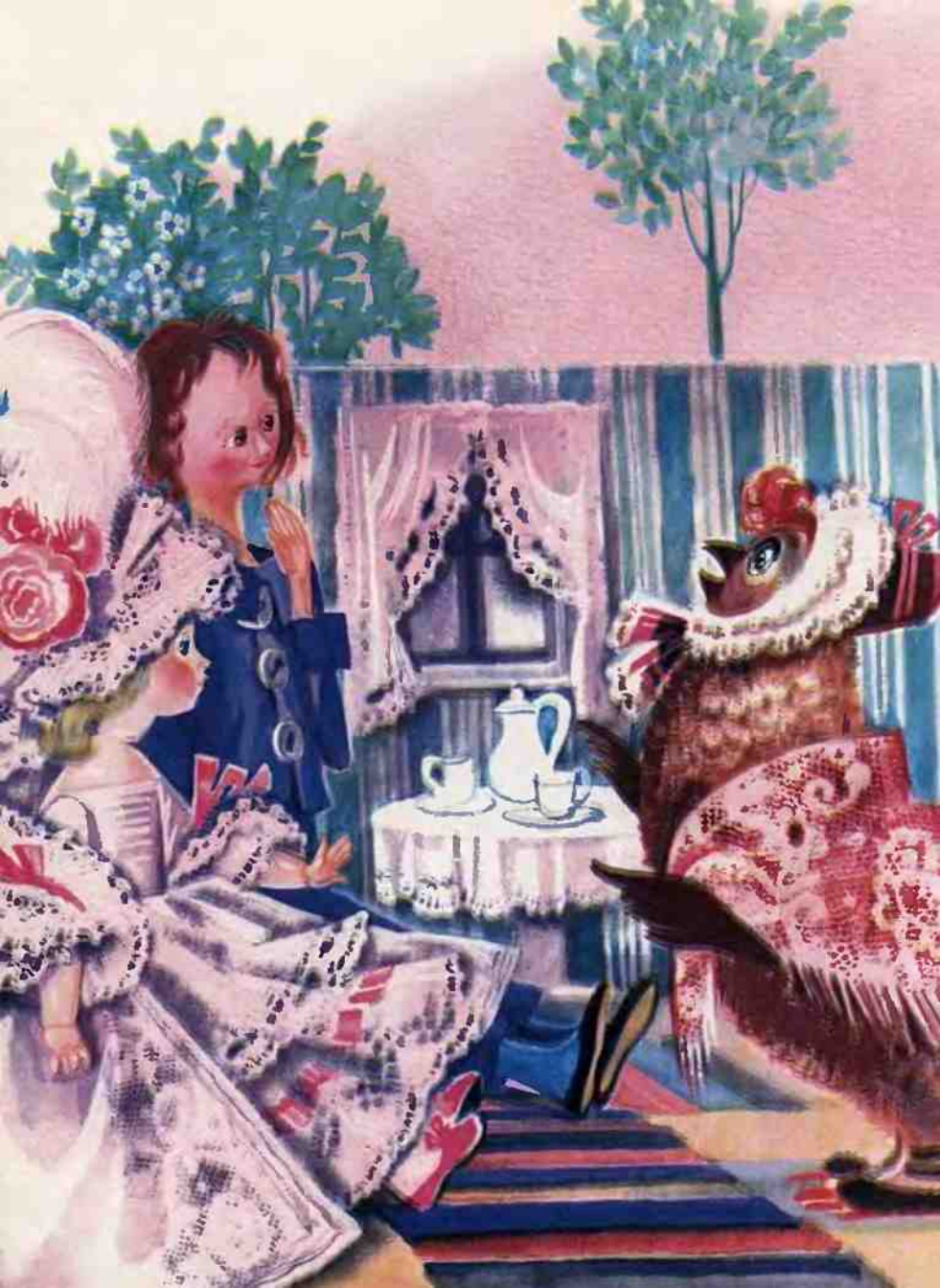
П

ЯТНИЦА

— Просто не верится, сколько есть пожилых людей, которым страх как хочется залучить меня к себе! — сказал Оле-Лукойс. — Особенно желают этого те, кто сделал что-нибудь дурное. «Добренький, миленький Оле, — говорят они мне, — мы просто не можем сомкнуть глаз, лежим без сна всю ночь напролёт и видим вокруг себя все свои дурные дела. Они, точно гадкие маленькие тролли, сидят по краям постели и брызжут на нас кипятком. Хоть бы ты пришёл и прогнал их. Мы бы с удовольствием заплатили тебе, Оле! — добавляют они с глубоким вздохом. — Спокойной же ночи, Оле! Деньги на окис!» Да что мне деньги! Я ни к кому не прихожу за деньги!

— Что будем делать сегодня ночью? — спросил Яльмар.

— Не хочешь ли опять побывать на свадьбе? Только не на такой, как вчера. Большая кукла твоей сестры, та, что

одета мальчиком и зовётся Германом, хочет повенчаться с куклой Бертой; кроме того, сегодня день рождения куклы, и потому готовится много подарков!

— Знаю, знаю! — сказал Яльмар. — Как только куклам понадобится новое платье, сестра сейчас празднует их рождение или свадьбу. Это уж было сто раз!

— Да, а сегодня ночью будет сто первый и, значит, последний! Оттого и готовится нечто необыкновенное. Взгляни-ка!

Яльмар взглянул на стол. Там стоял домик из картона; окна были освещены, и все оловянные солдатики держали ружья на караул. Жених с невестой задумчиво сидели на полу, прислонившись к ножке стола; да, им было о чём задуматься! Оле-Лукойе, нарядившись в бабушкину чёрную юбку, обвенчал их, и вот вся мебель запела на мотив марша забавную песенку, которую написал карандаш:

Затянем песенку дружней,
Как ветер пусть несётся!
Хотя чета наша, ей-ей,
Ничем не отзовется.
Из лайки оба и торчат
На палках без движенья,
Зато роскошен их наряд —
Глазам на загляденье!
Итак, прославим песней их:
Ура невеста и жених!

Затем молодые получили подарки, но отказались от всего съедобного: они были сыты своей любовью.

— Что ж, поехать нам теперь на дачу или отправиться за границу? — спросил молодой.

На совет пригласили опытную путешественницу ласточку и старую курицу, которая уже пять раз была наседкой. Ласточка рассказала о тёплых краях, где зреют сочные, тяжёлые виноградные кисти, где воздух так мягок, а горы расцвечены такими красками, о каких здесь не имеют и понятия.

— Там нет зато нашей кудрявой капусты! — сказала курица. — Раз я со всеми своими цыплятами провела лето в деревне; там была целая куча песку, в котором мы могли рыться и копать сколько угодно! Кроме того, нам был открыт вход в огород с капустой! Ах какая она была зелёная! Не знаю, что может быть красивее!

— Да ведь один кочан похож на другой как две капли воды! — сказала ласточка. — К тому же здесь так часто бывает дурная погода.

— Ну, к этому можно привыкнуть! — сказала курица.

— А какой тут холод! Того и гляди замёрзнешь! Ужасно холодно!

— То-то и хорошо для капусты! — сказала курица. — Да, наконец, и у нас бывает тепло! Ведь четыре года тому назад лето стояло у нас целых пять недель! Да какая жарница-то была! Все задыхались! Кстати сказать, у нас нет тех ядовитых тварей, как у вас там! Нет и разбойников! Надо быть отщепенцем, чтобы не находить нашу страну самую лучшей в мире! Такой не достоин и жить в ней! — Тут курица заплакала. — Я ведь тоже путешествовала, как же! Целых

двенадцать миль проехала в бочонке! И никакого удовольствия нет в путешествии!

— Да, курица — особа вполне достойная! — сказала кукла Берта. —

Мне тоже вовсе не нравится сздить по горам — то вверх, то вниз! Нет, мы переедем на дачу в деревню, где есть песочная куча, и будем гулять в огороде с капустой.

На том и порешили.

С УББОТА

— А сегодня будешь рассказывать? — спросил Яльмар, как только Оле-Лукойе уложил его в постель.

— Сегодня некогда! — ответил Оле и раскрыл над мальчиком свой красивый зонтик. — Погляди-ка вот на этих китайцев!

Зонтик был похож на большую китайскую чашу, расписанную голубыми деревьями и узенькими мостиками, на которых стояли маленькие китайцы и кивали головами.

— Сегодня надо будет принарядить к завтрашнему дню весь мир! — продолжал Оле. — Завтра ведь праздник, воскресенье! Мне надо пойти на колокольню — посмотреть, вычистили ли церковные карлики все колокола, не то они плохо будут звонить завтра; потом надо в поле — посмотреть, смел ли ветер пыль с травы и листьев. Самая же трудная работа ещё впереди: надо снять с неба и перечистить

все звёздочки. Я собираю
ходится ведь нумеровать
дырочку, где она сидела,
все по местам, иначе они плохо будут держаться и посы-
нутся с неба одна за другой!

их в свой передник, по при-
каждую звёздочку и каждую
чтобы потом разместить их

— Послушайте-ка вы, господин Оле-Лукойе! — сказал
вдруг висевший на стене старый портрет. — Я прадедушка
Яльмара и очень вам признателен за то, что вы рассказыва-
ете мальчику сказки; но вы не должны извращать его поня-
тий. Звёзды нельзя снимать с неба и чистить. Звёзды — та-
кие же светила, как наша Земля, тем-то они и хороши!

— Спасибо тебе, дедушка! — отвечал Оле-Лукойе. — Спасибо! Ты — глава фамилии, родоначальник, но я всё-таки постарше тебя! Я старый язычник; римляне и греки звали меня богом свидений! Я имел и имею вход в знатнейшие дома и знаю, как обходиться и с большими и с малыми! Можешь теперь рассказывать сам!

И Оле-Лукойе ушёл, взяв под мышку свой зонтик.

— Ну уж, нельзя и высказать своего мнения! — сказал старый портрет.

Тут Яльмар проснулся.

В ОСКРЕСЕНЬЕ

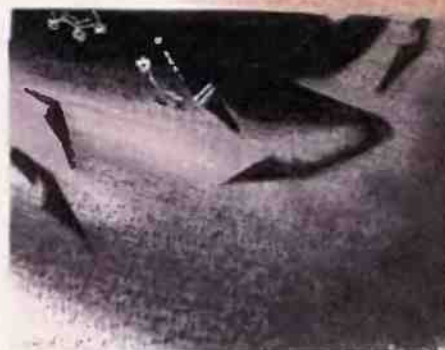
— Добрый вечер! — сказал Оле-Лукойе.

Яльмар кивнул ему, вскочил и повернул праделушкин портрет лицом к стене, чтобы он опять не вмешался в разговор.

— А теперь ты расскажи мне сказки про пять зелёных горошин, родившихся в одном стручке, про петушиную ногу, которая ухаживала за куриной ногой, и про штопальную иглу, что воображала себя швейной иглой.

— Ну, хорошенького понемножку! — сказал Оле-Лукойе. — Я лучше покажу тебе кое-что. Я покажу тебе своего брата, его тоже зовут Оле-Лукойе, но он ни к кому не является больше одного раза в жизни. Когда же явится, берёт человека, сажает к себе на коня и рассказывает ему сказки. Он знает только две: одна так бесподобно хороша, что никто и представить себе не может, а другая так ужасна, что... да нет, невозможно даже и сказать — как!

Тут Оле-Лукойе приподнял Яльмара, поднёс его к окну и сказал:

— Сейчас увидишь моего брата, другого Оле-Лукойе. Люди зовут его также Смертью. Видишь, он вовсе не такой страшный, каким рисуют его на картинках! Кафтан на нём весь вышит серебром, что твой гусарский мундир; за плечами развеивается чёрный бархатный плащ! Гляди, как он скачет!

И Яльмар увидел, как мчался во весь опор другой Оле-Лукойе и сажал к себе на лошадь и старых и малых. Одних он сажал перед собою, других позади; но сначала всегда спрашивал:

— Какие у тебя отметки за поведение?

— Хорошие! — отвечали все.

— Покажи-ка! — говорил он.

Приходилось показать; и вот тех, у кого были отличные или хорошие отметки, он сажал впереди себя и рассказывал им чудную сказку, а тех, у кого были посредственные или плохие, — позади себя, и эти должны были слушать страшную сказку. Они тряслись от страха, плакали и хотели спрыгнуть с лошади, да не могли — они сразу крепко прирастали к седлу.

— Но ведь Смерть — чудеснейший Оле-Лукойе! — сказал Яльмар. — И я ничуть не боюсь его!

— Да и нечего бояться! — сказал Оле. — Смотри только, чтобы у тебя всегда были хорошие отметки!

— Вот это поучительно! — пробормотал прадедушкин портрет. — Всё-таки, значит, не мешает иногда высказать своё мнение!

Он был очень доволен.

Вот тебе и вся история об Оле-Лукойе! А вечером пусть он сам расскажет тебе ещё что-нибудь.

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Жили-были двадцать пять оловянных солдатиков. Все они родились от одной матери — старой оловянной ложки, — а значит, приходились друг другу родными братьями. Были они красавцы писанные: мундир синий с красным, ружьё на плече, взгляд устремлён вперед!

«Оловянные солдатiki!» — вот первое, что услышали братья, когда открылась коробка, в которой они лежали. Это крикнул маленький мальчик и захлопал в ладоши. Солдатиков ему подарили в день его рождения, и он тотчас же стал расставлять их на столе. Оловянные солдатiki походили друг на друга как две капли воды, и лишь один отличался от своих братьев: у него была только одна нога. Его отливали последним, и олова на него не хватало. Впрочем, он и на одной ноге стоял так же твёрдо, как другие на двух. И он-то как раз и отличился.

Мальчик расставил своих солдатиков на столе. Там было много игрушек, но красивее всех был чудесный замок из картона; сквозь его маленькие окна можно было заглянуть внутрь и увидеть комнаты. Перед замком лежало зеркальце, оно было совсем как настоящее озеро, а вокруг стояли маленькие деревья. По озеру плавали восковые лебеди и любовались своим отражением. Всё это радовало глаз, но очаровательней всего была молоденькая девушка, стоявшая на пороге широко раскрытых дверей замка. Она тоже была вырезана из картона. Юбочка её была из тончайшей кисси, узкая голубая ленточка спускалась с плеча к поясу. Ленточка была прикреплена сверкающей блёсткой, очень большой — она могла бы закрыть всё личико девушки. Кра-

савица эта была танцовщица. Она стояла на одной ножке, протянув руки вперёд, а другую ногу подняла так высоко, что оловянный солдатик не сразу её разглядел и сначала подумал, что красotka одноногая, как и он сам.

«Вот бы мне такую жену, — подумал оловянный солдатик. — Только она, наверное, знатного рода — она живёт в замке, а я в коробке; к тому же нас там целых двадцать пять штук. Нет, в коробке ей не место, но познакомиться с ней всё же не мешает!» — И, растянувшись во всю длину, он спрятался за табакеркой, тоже стоявшей на столе. Отсюда он мог не отрываясь смотреть на хорошенькую танцовщицу, которая всё стояла на одной ножке, никогда не теряя равновесия.

Вечером всех других солдатиков уложили обратно в коробку, и люди тоже легли спать.

Тогда игрушки сами стали играть в гости, потом в войну, а потом устроили бал. Оловянные солдатки завозились в коробке — им тоже захотелось поиграть, но они не могли приподнять крышку. Щелкунчик кувырчался, а грифель пошёл плясать по асфидной доске. Поднялся такой шум и гам, что проснулась канарейка и тоже заговорила, да ещё стихами! Только солдатик и танцовщица не сдвинулись с места. Она по-прежнему стояла на одной ножке, протянув руки вперёд, а он застыл с ружьём на плече и ни на минуту не спускал глаз с девушки.

Пробило двенадцать. И вдруг — щёлк, щёлк! Это раскрылась табакерка. Табака в табакерке не было; в ней сидел маленький чёрный тролль, очень искусной работы.

— Эй, оловянный солдатик! — крикнул тролль. — Перестань пучить глаза на то, что не про твою честь!

Но оловянный солдатик сделал вид, будто не слышит.

— Ну погоди! Придёт утро, увидишь! — сказал тролль.

Утром дети проснулись и переставили оловянного солдатика на окно. И тут — то ли по вине тролля, то ли по вине сквозняка — окно распахнулось, и наш солдатик полетел кувырком с третьего этажа. Вот страшно-то было! Он упал на голову, а его каска и штык застряли между булыжниками — и он так и остался стоять на голове, задрав ногу кверху.

Служанка и младший из мальчиков сейчас же выбежали на улицу искать солдатика. Искали, искали, чуть было не раздавили его и всё-таки не нашли. Крикну солдатик: «Я тут!» — они, конечно, увидели бы его, однако он считал неприличным громко кричать на улице, да ещё будучи в мундире.

Но вот пошёл дождь; он шёл всё сильнее и сильнее и наконец хлынул как из ведра, а когда перестал, на улицу выбежали мальчишки. Их было двое, и один из них сказал:

— Смотри, вон оловянный солдатик. Давай-ка отправим его в плавание!

Они сделали из газеты лодочку, поставили в неё оловянного солдатика и пустили её по водосточной канаве. Лодочка плыла, а мальчишки бежали рядом и хлопали в ладоши. Боже ты мой! Как бились волны о стенки канавки, какое сильное в ней было течение! Да и немудрено, ведь ливень был славный! Лодочка то ныряла, то взлетала на гре-

бень волны, то вертелась, и оловянный солдатик вздрагивал; но он был стойкий и всё так же невозмутимо смотрел вперёд, держа ружьё на плече.

Вот лодочка подплыла под мостик, и стало так темно, что солдатику показалось, будто он снова попал в свою коробку.

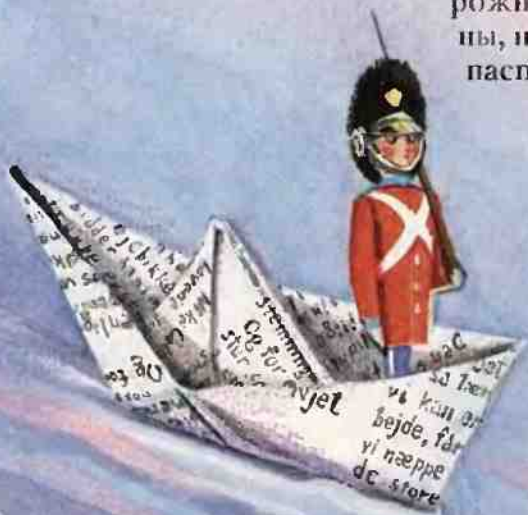
«Куда ж это меня несёт? — думал он. — Всё это проделки тролля! Вот если бы в лодочке со мной сидела маленькая танцовщица, тогда пускай бы хоть и вдвое темнее было».

В эту минуту из-под мостика выскочила большая водяная крыса — она здесь жила.

— А паспорт у тебя есть? — крикнула крыса. — Предъяви паспорт.

Но оловянный солдатик молчал и ещё крепче прижимал к себе ружьё. Лодочка плыла всё дальше, а крыса плыла за ней. Ох как она скрежетала зубами, крича встречным щепкам и соломинкам:

— Держите его! Держите! Он не уплатил дорожной пошлины, не предъявил паспорта!

Лодочку понесло ещё быстрее; скоро она должна была выплыть из-под мостика — оловянный солдатик уже видел свет впереди, — но тут раздался грохот до того страшный, что, услышав его, любой храбрец задрожал бы от страха. Подумать только: канавка кончалась, и вода падала с высоты в большой канал! Оловянному солдатiku грозила такая же опасность, какой подверглись бы мы, если бы течение несло нас к большому водопаду.

Но вот лодка выплыла из-под мостика, и ничто уже не могло её остановить. Бедный солдатик держался всё так

же стойко, даже глазом не моргнул. И вдруг лодка завертелась, потом накренилась, сразу наполнилась водой и стала тонуть. Оловянный солдатик уже стоял по шею в воде, а лодка всё больше размокала и погружалась всё глубже; теперь вода покрыла солдатика с головой. Он вспомнил о прелестной маленькой танцовщице, которую ему не суждено больше увидеть, и в ушах у него зазвучала песенка:

Вперёд, о воин!
Иди на смерть.

Бумага совсем размокла, прорвалась, и солдатик уже стал тонуть, но в этот миг его проглотила большая рыба.

Ах как темно было у неё в глотке! Ещё темней, чем под мостиком, и в довершение всего так тесно! Но оловянный солдатик и тут держался стойко — он лежал, вытянувшись во всю длину, с ружьём на плече.

А рыба, проглотив его, стала неистово метаться, бросаясь из стороны в сторону, но вскоре затихла. Прошло некоторое время, и вдруг во тьме, окружавшей солдатика, молнией блеснуло что-то блестящее, потом стало совсем светло и кто-то громко воскликнул: «Оловянный солдатик!»

Вот что произошло: рыбу поймали и снесли на рынок, а там кто-то купил её и принёс на кухню, где кухарка разрезала рыбу острым ножом. Увидев солдатика, она взяла его двумя пальцами за талию и отнесла в комнату. Вся семья собралась поглядеть на удивительного человечка, который совершил путешествие в рыбьем брюхе, но оловянный солдатик не возгордился.

Его поставили на стол, и вот — чего только не бывает на свете! — солдатик снова очутился в той же самой комнате, где жил раньше, и увидел тех же знакомых ему детей. Те же игрушки по-прежнему стояли на столе и тот же чудесный замок с прелестной маленькой танцовщицей. Она всё так же прямо держалась на одной ножке, высоко подняв другую, — ведь она тоже была стойкая! Всё это так растрогало оловянного солдатика, что из глаз его чуть не покатались оловянные слёзы. Но солдату плакать не полагается, и он только посмотрел на танцовщицу — а она на него. Но ни он, ни она ни слова не вымолвили.

Вдруг один из малышей схватил солдатика и швырнул его прямо в печку — неизвестно зачем, должно быть, его подучил злой тролль, сидевший в табакерке.

Теперь солдатик стоял в топке, освещённый ярким пламенем, и было ему нестерпимо жарко, он чувствовал, что весь горит, но что сжигало его — пламя или любовь, — этого он и сам не знал. Краски на нём полиняли — но было ли то от горя или же они сошли ещё во время его путешествия, этого тоже никто не знал. Он не сводил глаз с маленькой танцовщицы, она тоже смотрела на него, и он чувствовал, что тает, однако всё ещё стоял прямо, с ружьём на плече. Но вдруг дверь в комнату распахнулась, сквозняк подхватил танцовщицу, и она, как мотылёк, впорхнула в печку, прямо к оловянному солдатiku, вспыхнула ярким пламенем — и её не стало. Тут оловянный солдатик совсем расплавился. От него остался только крошечный кусочек олова. На следующий день, когда служанка выгребала золу, она нашла в топке оловянное сердечко. А от танцовщицы осталась только блёстка. Но она уже не сверкала — почернела, как уголь.

СОДЕРЖАНИЕ

ОЛЕ-ЛУКОЙЕ	5
СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК	41

Художник *Ника Галыц*

А 65 Алдерсен Г.-Х.
Сказки. Худож. Н. Галыц. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. — 56 с. (Серия «Сказочная страна»).

ISBN 5-04-003288-9

УДК 839.5/8
ББК 84(4)

Для младшего школьного возраста

Ганс Христиан Алдерсен
СКАЗКИ

Разработка серийного оформления *И. Сауков*

Редактор *Л. Кондрашова*

Дизайн обложки *И. Сауков*

Компьютерная графика *С. Киселева*

Технические редакторы *З. Жарикова, В. Шибанов*

Корректор *Б. Бурт*

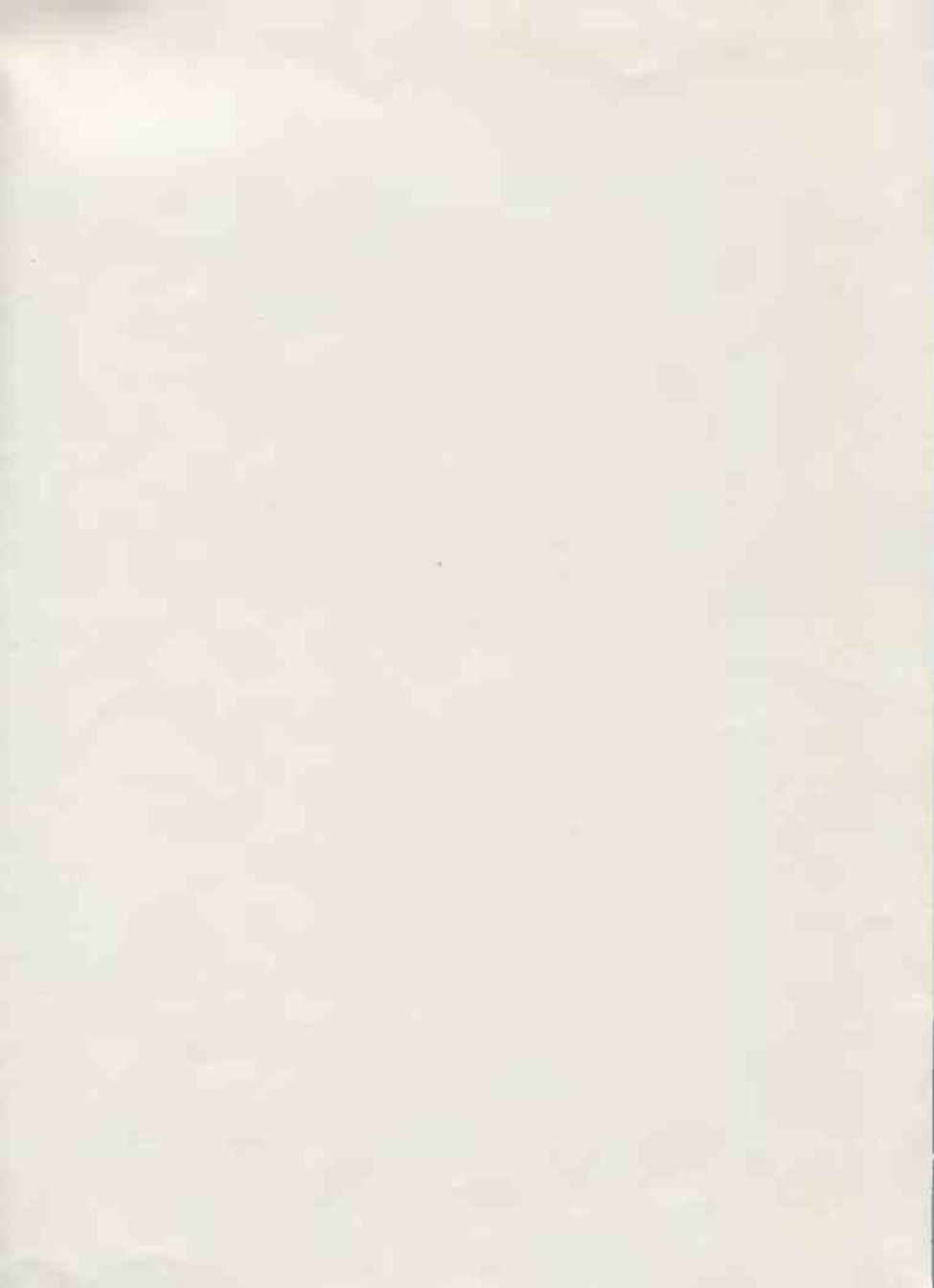
Названная льгота — общероссийский идентификатор
производства ОК-605-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диазотипов 05.11.99.
Формат 84*108 1/16. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,9.
Тираж 10 000 экз. Зак. № 789.

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс».
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корпус 16, подъезд 3.

Отпечатано в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

36-00

ISBN 5-04-03288-9

9 785040 032884 >

МАДОУ детский сад № 2 г. Ивделя